

Большой всероссийский фестиваль детского и юношеского творчества

Номинация: «Литературное творчество»

Возрастная категория: 13 - 17 лет

ПОЛСТРАНИЦЫ НА ЦЕЛЫЙ МИГ

Работу выполнила:

Беличенко Диана Владимировна,

02.03.2008 г.р., учащаяся 10 класса,

Муниципального бюджетного

общеобразовательного учреждения

г. Керчи РК «Школа № 26 имени

Героя Советского Союза Д. Т. Доева».

Учащаяся творческого объединения

«Журналистика и литературное творчество»

Муниципального бюджетного

учреждения дополнительного

образования г. Керчи РК

«Центр детского и юношеского творчества»

Руководитель:

Притула Ирина Викторовна,

зам. директора по УВР,

руководитель творческого объединения

«Журналистика и литературное творчество» МБУДО г. Керчи РК

«Центр детского и юношеского творчества»

Телефон: 5-46-48

2024 год, г. Керчь

Вкус поколения

В эпоху, когда забывается все прошлое, кроме легендарной культуры. В мире, где на месте уютного кафе строится новая забегаловка. В обществе, что не оставляет людям времени для самого важного. Хочется застрять в самом начале тысячелетия, снова став тем «обезбашенным» подростком.

Зажмурившись, с жадой вкусить коктейль, который на любой прогулке покупали тебе родители. Пышный, пачкающий микс из колючей бодрящей газировки и натурального сливочного пломбира, который теперь можно есть в любом по-взрослому скучном месте. Он стал нетающим шариком мягкого мороженого с щедрой горстью шипучего мармелада. В каждый его кусочек вместились полстакана ледяной колы. Порой для того, чтобы почувствовать счастье, хватает пережить лишь секунду со вкусом детской беззаботности и юношеского максимализма.

Ода звенящему маю

Воздух жадно глотал прохожих. Схватывал, превращал рты в перьевые подушки, наполняя их лепестками сирени и тополиным пухом, энергично купал тела под бесконечными дождями свободы и возвращал в зеленую гущу улиц. Там люди наконец открывали глаза, давно замыленные серым снегом, а после искренне удивлялись потокам особенной радости и еле заметной лени, которые просачивались сквозь окна всех офисов и школ. Они шли вперед, внимая громкой музыке из проезжающих машин с опущенными стеклами, детским крикам и остальным звукам этого вдруг ожившего мира. Как радиосигналы, все дружно улавливали шепот того самого воздуха: «Ворвался он, счастливый май, а значит скоро наступят девяносто два дня еще большего счастья!»

Ему прислали осень. В конверте

Длинные, покрасневшие от холода пальцы молодого пианиста зацепили дверцу почтового ящика. Она с шумом открылась, и в подъездной темноте показался пухлый конверт. Музыкант заметил на бумаге знакомый резкий, немного косой почерк и, переставляя ноги в такт разбушевавшемуся сердцу, забежал в квартиру.

Скинув с себя замшевые ботинки, но не снимая плащ, он сел за обеденный стол. Слегка согрешшиеся руки трепетно распаковали конверт, а заложенный нос попытался вдохнуть высвобожденный оттуда запах. Смесь из разноцветья сухой листвы, сморщенных рябиновых ягод и мелких дождевых капель высыпалась из конверта и заполонила собой сырую комнату.

Человек снова перечитал имя отправителя письма и осознал, что сейчас ему впервые понравилась осень. Его еще не остывшая от жаркого лета душа с надеждой поверила, что в дни увяданья она тоже будет любить.

Он

Он был разным: ленивым в тихое утро и неожиданно разгоряченным с наступлением сурового вечера.

Он сильно зависел от природы. Весной он парил, летом — штормил и всей легкой душой отдавался веселью, осенью чувствовал себя особенно вдохновленным, а зимой превращался в жестокого агрессора.

Говорили, что он родился в Керчи. Там он проявлялся по-настоящему. Каждую улицу этого города он знал наизусть. По работе он часто путешествовал. В отпуске же с лучезарными друзьями отправлялся в Ялту или Сочи. Но отдыхал он редко. Все-таки ветер — существо безумно занятое.

Прогноз погоды

— Вадим Геннадьевич, вы же метеоролог, что там с погодой на следующей неделе?

— Так, ну ветер всего до восьми метров в секунду, влажность около шестидесяти процентов, давление не больше семисот тридцати миллиметров, магнитное поле спокойно, температура воздуха достигнет восемнадцати градусов Цельсия.

— Это все здорово, но что, если говорить «по-человечески»?

— Ну тогда цветок за цветком — весна начинается, приходит зеленый взрыв всего: природы, разума и чувств. Жизнь бушует.

Осень — это вторая весна, когда каждый лист — цветок

Открыв поцарапанную подъездную дверь, человек вышел во двор. Новые белые кеды твердо ступили на разбитый серый асфальт, а грудь, укутанная в кашемировое пальто, сделала жадный вдох. Так человек заглотнул свежий коктейль из озоновой грозы, резкого холода и древесных щепок.

Он взглянул ввысь, где отблески иллюзорного солнца упрямо пробивались сквозь густое акварельное небо, а после наклонился ниже. Земля вдруг превратилась в потрескавшееся зеркало с огненными, словно апельсиновый мармелад, заплатками из опавших листьев. Повторяя за облаками, осенние мимозы плыли по просторам ледяной воды. Они светились, пахли, осыпались даже ярче обычных цветов — все-таки это были последние краски уходящего года.

Человек надел капюшон и вошел в осень. Под плачущим потолком его голову надежно укрывало одеяло из ватных туч, а под ногами скользил гербарий ушедшего лета.

Просто жить. И осенью дышать

Открывать шторы и видеть все происходящее за окном. Ходить в расстегнутой куртке и не надевать шапку, потому что даже мама разрешила. Шагать по тротуару и наткаться на груды хрустящих листьев. С теплом вспоминать июльские костры и пытаться оправдать августовское бездействие. С нетерпением ждать Нового года и бояться морозных ветров.

Осенью жить, превратив бодрые дожди в пищу, а сонную сырость в кислород.

Пятый элемент

Воздух. Днем он пыльный, душный, но такой мягкий и простой. Он окутывает тебя целиком, отнимая надежды сохранить новую футболку в сухости, обнимает невидимыми лапами, принуждая лицо радоваться даже едва уловимым потокам ветра.

Огонь. Каждый вечер он появляется в куче хрустящих углей. Медленно извергаются оттуда струйки горького дыма, которые забирают с собой шепот рассказчиков местных баек и аромат жареного мяса. Уже влажная футболка начинает пахнуть чем-то резко ударяющим в нос любого, кто решит обнять тебя.

Земля. Лишь ночью она терпит к себе босые прикосновения, в остальное время становясь похожей на только что испеченный шоколадный бисквит. Ее бурые крошки прилипают к твоим ногам, поднимаются и, как чердачная пыль, проникают в посеревшую футболку.

Вода. К утру черноземы сменяются желтыми пляжами, открывая взгляду бирюзовые просторы. Будто мыльные, волны врезаются в камни и, разлетаясь на плевочки, обдают грязную футболку.

Лето. Полуденная кульминация целого года. Триада беззаботности, веселья и счастья. Пряча купальник в поцарапанный шифоньер, ты натыкаешься на, кажется, хронически помятую футболку. С виду она превратилась в тряпку, но на деле остается ценнее любого китайского шелка. Каждая ее ниточка хранит в себе дуновения, искры, крупички и капли этого удивительного лета.

Старый стол на Новый год

Поцарапанный стол-книжка отражал лаковой поверхностью витиеватую люстру гостиной. Через минуту его застелили атласной скатертью, на краях которой едва виднелись прожженные дырки — следы былых праздников. Блестящие, надушившиеся люди заносили в комнату десятки тарелок. Вот в центре стола появилось блюдо с упругим, но уже подтаявшим холодцом. В его прозрачном бульоне хаотично, как и все, спонтанно произошедшее в уходящем году, распределились ломтики яркой моркови. За широкими бортиками тарелки стыдливо пряталась пиала с пикантным хреном — все-таки, печаль в этих трехсот шестидесяти пяти днях тоже встречалась. Рядом стоял салатник с оливье. Ассорти из вареных овощей, колбасы и майонеза будто отражало уже привычные, однако столь разные моменты, вместе складывающиеся в симфонию повседневности. Вдруг пышная, пахнущая пионами женщина, водрузила на стол стеклянный противень, куда еле умещалась запеченная курица. Медовый соус растекался по прозрачному дну и аппетитно окутывал румяную птицу. Ее золотая корочка насчитывала сотни ароматных пупырышек, которых было даже меньше, чем больших и маленьких радостей 2023-го. Наконец, на съедобной поляне показалась тарелка с хрустящим багетом, что вскоре станет прошлогодним. Слой нежного кремowego масла покрывал хлебные кусочки, прочно удерживая на себе алые горошинки красной икры — кричащие и особенные, как и случившееся за это время счастье, которое для каждого жителя этого дома было своим.

Такие же блестящие, но уже изрядно вспотевшие люди собрались в гостиной и, наполняя бокалы шампанским, стали готовиться к дегустации нового 2024 года.

Я знал женщину

Обычно она кричала. Смеялась и плакала, умирала и воскресала. Такая у нее была профессия — на сцене в жизнь играть. Каждый день, с понедельника по воскресенье, она могла быть служанкой, медсестрой в армейском госпитале или русской императрицей. Зрители любили ее такой — бесцеремонно затягивающей в историю всех, кто хоть мимолетно глянет на чудом уцелевшую во время войны сцену. Она поистине служила театру.

Только я знал ее другой — хрупкой, как сухой прут, укутанной в прохудившееся пальто женщиной, идущей в нашу серую коммуналку под вечным ленинградским ливнем. Она приходила, выкладывала на стол заработанную буханку хлеба, горячо целовала меня в щетинистую щеку и падала на жесткую, испорченную временем кушетку. Дома она молчала.

Разговор при свете тусклых ламп

Возвращаясь с работы, я осторожно шел по замерзшему Невскому проспекту. Крупицы пушистого снега, которого той морозной зимой 1925 года лежало много, светились под грациозными фонарями. Я, обходя сугробы на обочине, свернул к домам. Там, как дрожащая звездочка, мелькала среди погасших окон вывеска кафетерия. Я вспомнил, что ужина дома нет, и открыл дверь.

Внутри шумели. Достав из кармана два серебряных полтинника, купил мясное рагу и компот. После неудачного поиска свободных мест направился к дальнему столику, куда свет и без того тусклых ламп проникал особенно плохо.

— Разрешите? — обратился я к молодому человеку, угрюмо наклонившему голову над тарелкой.

— Садитесь, — ответил тот, кивнув на стул рядом.

Стол покрывала накрахмаленная скатерть, на которой виднелись прожженные следы от папирос. В углу стояла алюминиевая салфетница, рядом — порция запеченного мяса и янтарная бутылка крепкого. Сам незнакомец выглядел весьма аккуратно. Золотые, разделенные пробором волосы его, походили на волнистое поле ржи, а голубые глаза излучали спокойный ясный огонь. Он подбодрил меня мягкой, покорной улыбкой.

Я протянул руку:

— Николай, тружусь в Электросиле.

— Сергей, поэт, — мужчина как-то горько усмехнулся.

— Что пишете? — спросил я и положил в рот ломтик тушеного картофеля.

— Многое успел. Но в целом — жизнь — обман с чарующей тоскою, — оживившись, громко продекламировал сосед.

— Вот как. А про любовь что-нибудь есть? — не сложившийся роман вновь вернулся мне в мысли.

— Конечно. Но ведь знаете... О любви в словах не говорят, о любви мечтают лишь украдкой, да глаза как яхонты горят, — поэт на миг лукаво улыбнулся. — Да-да, уж о ней мое бурное сердце знает не понаслышке. И сколько бы эта необъяснимая любовь ни приносила мне ссор, скандалов и страданий, я убежден, что человеку нужен другой человек, который будет любить его без остатка.

— Как же завидую я тому, кто смог его найти. У меня вот никак не выходит, — я говорил абсолютно честно, потому как понял, что этому чистому человеку можно доверять.

Сергей нахмурился и, стараясь воодушевить меня, задумчиво сказал:

— Кто любил, уж тот любить не может, кто сгорел, того не подожжешь. Но, во-первых, никому не отдавайте того — с кем счастливы, а во-вторых, целуйте ее так, словно губы ее — кислород.

Оба мы искренне засмеялись. Постепенно серьезные беседы переходили в наивную болтовню, которая потом опять возвращалась к философским рассуждениям обо всем, что могло волновать чудесного творца и обычного инженера. На улице сияла луна, число посетителей в кафетерии уменьшалось, и наш разговор становился все более уединенным. В конце мы стали толковать о смерти.

— Коль гореть, так уж гореть сгорая! — поэт посерьезнел и яростно произнес. — В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей.

Он вдруг посмотрел на часы и встал из-за стола. Сняв с вешалки темное двубортное пальто, Сергей достал из кармана маленькую книгу и отдал ее мне:

— Это на память, а мне уж пора. До свидания, товарищ!

Мы попрощались, и я взял в руки сборник. На коричневой обложке ровным почерком было выведено: «С. А. Есенин». Я вспомнил, что утром видел такую фамилию в «Красном Востоке». Мне непременно захотелось остаться в жарком зале на целую ночь, чтобы прочесть книгу этого литературного гения. Поглотить ее всю, целиком, до последней строчки, ведь почему-то я чувствовал, что видел Есенина в первый и в последний раз...